

*Сокращенный вариант речи подготовлен к публикации
литературоведом и археографом Евгением Борисовичем Белодубровским,
Санкт-Петербург*

Мм. гг.! Сооружение памятника Пушкину, в котором участвовала, которому сочувствует вся образованная Россия, и на празднование которого собралось так много наших лучших людей, представителей земли, правительства, науки, словесности и искусства, – это сооружение представляется нам данью признательной любви общества к одному из самых достойных его членов. Постараемся в немногих чертах определить смысл и значение этой любви...

В поэте, как в полном выразителе народной сути, сливаются два основных её начала: начало восприимчивости и начало самодеятельности, женское и мужское начало, – осмелились мы бы прибавить. У нас же, русских, позднее других вступивших в круг европейской семьи, оба эти начала получают особую окраску; восприимчивость у нас является двойственна: и на собственную жизнь, и на жизнь других западных народов со всеми её богатствами ... Вспомните, мм. гг., Петра Великого, натура которого как-то родственна натуре самого Пушкина. Недаром же он питал к нему особенное чувство любовного благоговения!..

Ему и восемнадцать лет не было, когда Батюшков, прочитав его элегию «Редеет облаков летучая грязь», воскликнул: «Злодей! как он начал писать!» Батюшков был прав: так ещё никто не писал на Руси. Независимый гений Пушкина скоро освободился и от подражания европейским образцам, и от соблазна подделки под народный тон. Подделываться под народный тон, вообще под народность – так же неуместно и бесплодно, как и подчиняться чуждым авторитетам...

Есть национальные живописцы: Рафаэль, Рембрандт; народных живописцев нет. Заметим кстати, что выставлять лозунг народности в художестве, поэзии, литературе свойственно только племенам слабым, ещё не созревшим или же находящимся в порабощённом, угнетённом состоянии. Поэзия их должна служить другим, конечно, важнейшим целям – сбережению самого их существования. Слава богу, Россия не находится в подобных условиях; она не слаба и не порабощена другому племени...

Возвратимся к Пушкину. Вопрос: может ли он называться поэтом национальным? Но нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остаётся только идти по пути, проложенному его гением...

Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка, эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений – все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иноземцев, которым он стал доступен. «Ваша поэзия, – сказал однажды Мериме, известный французский писатель и поклонник Пушкина, которого он, не обинуясь, называл величайшим поэтом своей эпохи, чуть ли не в присутствии самого Виктора Гюго, – ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске, и если ко всему этому им предстанет возможность не оскорблять правдоподобия, так они и это, пожалуй, возьмут в придачу»... «У Пушкина, – прибавлял он, – поэзия чудным образом расцветает как бы сама собою из самой трезвой прозы»...

Помнится, прочтя однажды «Анчар», он после конечного четверостишия заметил: «Всякий новый поэт не удержался бы тут от комментариев». Мериме также восхищался способностию Пушкина вступать немедленно *in medias res*, «брать быка за рога», как говорят французы, и указывал на его «Дон-Жуана», как на пример такого мастерства. Да, Пушкин был центральный художник, человек, близко стоящий к самому средоточию русской жизни ...

Всё так ...

Но можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают) ...

Пушкин не мог всего сделать. Не следует забывать, что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделённые целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу. К тому же над ним тоже тяготела та жестокая судьба, которая с такой, почти злорадной, настойчивостью преследует наших избранников.

Без глубокой грусти, без какого-то тайного, хоть и беспредметного негодования, нельзя читать слова, начертанные им в одном его письме, за несколько месяцев до смерти: «Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить». Творить! А уже отливалась та глупая пуля, которая должна была положить конец его расцветающему творчеству! Быть может, уже отливалась тогда и та, другая пуля, которая предназначалась на убийство другого поэта, пушкинского наследника, начавшего свое поприще с известного, негодующего стихотворения, внушённого ему гибелью его учителя ...

А между тем и Пушкин не избег общего участия художников-поэтов, начинателей. Он испытал охлаждение к себе современников; последующие поколенья ещё более удалились от него, перестали нуждаться в нём, воспитываться на нём, и только в недавнее время снова становится заметнымозвращение к его поэзии. Пушкин сам предчувствовал это охлаждение публики ... Он до некоторой степени не мог не чувствовать пренебрежения к публике, которая приучилась видеть в нём какого-то сладкопевца, соловья...

Да и как нам винить его, когда вспомнишь, что даже такой умный и проницательный человек, как Баратынский, призванный вместе с другими разбирать бумаги, оставшиеся после смерти Пушкина, не усомнился воскликнуть в одном письме, адресованном тоже к умному приятелю: «Можешь ты себе представить, что меня больше всего изумляет во всех этих поэмах? Обилие мыслей! Пушкин – мыслитель! Можно ли было это ожидать?»

Всё это Пушкин предчувствовал. Доказательством тому известный сонет («Поэту», 1 июля 1830 г.), который мы просим позволения прочесть перед вами, хотя, конечно, каждый из вас его знает ... Но мы не можем противиться искушению украсить этим поэтическим золотом нашу скучную прозаическую речь:

*Поэт, не дорожи любовию народной!
Восторженных похвал пройдет минутный шум,
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.*

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

*Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд,
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?*

*Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской ревности колеблет твой треножник.*

Не до поэзии, не до искусства стало тогда. Однаково восхищаться «Мёртвыми душами» и «Медным всадником» или «Египетскими ночами» могли только записные словесники, милю которых побежали сильные, хотя и мутные волны той новой жизни ...

Портрет И. С. Тургенева.
Художник Илья Репин. 1879 г.

Поэт-эхо, по выражению Пушкина, поэт центральный, сам к себе тяготеющий, положительный, как жизнь на покое, сменился поэтом-глашатаем, центробежным, тяготеющим к другим, отрицательным, как жизнь в движении. Сам главный, первонаучальный истолкователь Пушкина, Белинский, сменился другими судьями, мало ценившими поэзию. Мы произнесли имя Белинского – и хотя ничья похвала не должна раздаваться сегодня рядом с похвалою Пушкину, но вы, вероятно, позволите нам почтить сочувственным словом память этого замечательного человека, когда узнаете, что ему выпала судьба скончаться именно в день 26-го мая, в день рождения поэта, который был для него высшим проявлением русского гения! Вслед за скоро прерванным голосом Лермонтова, когда Гоголь стал уже властителем людских дум, зазвучал голос поэта «мести и печали», а за ним пошли другие – и повели за собою нарастающие поколения...

Живое изменяется органически – ростом. А Россия растёт, не падает. Что подобное развитие – как всякий рост – неизбежно сопряжено с болезнями, мучительными кризисами, с самыми злыми, на первый взгляд безвыходными противоречиями – до-

казывать, кажется, нечего; нас этому учит не только всеобщая история, но даже история каждой отдельной личности ....

В эпохи народной жизни, носящие названия переходных, дело мыслящего человека, истинного гражданина своей родины – идти вперёд, несмотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на миг из виду тех основных идеалов, на которых построен весь быт общества, которого он состоит живым членом ...

Была пора, когда изящная литература служила почти единственным выражением этой жизни; потом наступило время, когда она совсем сошла с арены ...

Прежняя область была слишком широка; вторая сузилась до ничтожества; найдя свои естественные границы, поэзия упрочится навсегда. Как бы то ни было, заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности ...

Он первый, наконец, водрузил могучей рукою знамя поэзии глубоко в русскую землю; и если пыль поднявшейся после него битвы затемнила на время это светлое знамя, то теперь, когда эта пыль начинает опадать, снова засиял в вышине водружённый им победоносный стяг ...

Пусть это последнее слово не удивит вас, мм. гг.! В поэзии – освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будем также надеяться, что в недальнем времени даже сыновьям нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: Пушкин!